

— ... — Дань Чао тихо вздохнул. — Так вот как. В твоём сердце все люди — убийцы госпожи, даже тот младенец, что умер при трудных родах... Поэтому ты и похоронил ребенка в отдельном гробу в родовой усыпальнице, а после убийства старшей дочери Фу выкопал младенца из могилы и выставил его тело в её комнате. Затем специально заманил старую госпожу в загородную усадьбу у подножия горы, чтобы на глазах у жены, используя подземный ход, собственными руками взорвать её, подстроив под вид убийства ударом небесной молнии...

Фу Вэньцзе уставился на Дань Чао стеклянным взглядом, даже не пытаясь отрицать.

— Когда ты делал все это, — Дань Чао с трудом сделал паузу, — разве в твоём сердце... не было ни капли колебаний?

В подземном ходе стояла тишина, лишь факел горел, и тени на стене слегка колыхались.

Фу Вэньцзе вдруг медленно усмехнулся, но в той усмешке тоже сквозило безумие.

— Сначала ответь мне на один вопрос, великий наставник. Тебе когда-нибудь приходилось насильно разлучаться с тем, кого любишь, навсегда, навечно, чтобы между вами легла пропасть жизни и смерти, и в этой жизни больше никогда не встретиться?

Дань Чао хотел сказать «нет», но в тот миг в его сознании промелькнули бескрайние пустынные пески и безграничная лунная ночь.

Бескрайние серебристые пески простирались до горизонта, Млечный Путь пересекал небосвод, бесчисленные сверкающие звезды напоминали древнюю галактику.

Теплый голос тихо произнес: «Сердце, Небесный шарнир, Качающийся свет, тот древний называют пламенем Доу-Ню...»

Но затем под палящим солнцем и желтыми песками его сменил другой, безжалостный голос:

«Пламя Доу-Ню означает два меча, и тот, кто убьет тебя сегодня, — это Цисин Лунъюань».

— ... — В подвале Дань Чао открыл рот, и в тот момент даже он сам мог услышать растерянность и неуверенность в своем голосе. — Не знаю. Возможно... нет.

— Возможно, нет.

Во взгляде Фу Вэньцзе, устремленном на Дань Чао, вспыхнула неподдельная насмешка и горечь, словно человек, испытавший страдания и стоящий на краю гибели, смотрит на смелого ребенка, наивного в своей отваге. — Ты узнаешь позже.

Не дожидаясь ответа Дань Чао, он спросил снова:

— Но в таком случае, с чего ты начал подозревать меня?

Дань Чао помолчал и сказал:

— С первой встречи с тобой у озера Сиху, твои слова и поведение показались мне странными...

— О? Что именно? Разве я не извинился сразу же при всех от имени Чэнь Хайпина?

— В этом-то и проблема, — медленно произнес Дань Чао. — Этот нищий монах два года практиковался в храме Цыэнь в Чанъане, и хотя наставник был суров и ученики его боялись, он

никогда не ругал учеников, не разобравшись, когда приходили жаловаться. Ибо большинство людей в мире защищают своих, и даже если поведение родных или друзей неподобающее, они в той или иной степени их покрывают.

А ты, молодой хозяин усадьбы, увидев нас, даже не спросил, что произошло, даже не разглядел, что случилось у озера, и первыми словами были: «Мой младший брат распутен и нелеп, прошу великого наставника простить его!» Смысл твоих слов был в том, что ты, даже не разобравшись в деле, взвалил вину на старшего сына Чэня...

Более того, когда в Поместье Ковки Мечей собрались ученики всех крупных школ боевых искусств, ты, молодой хозяин, открыл трое ворот и устроил пир в главном зале, заставив старшего сына Чэня извиниться перед нами. Хотя внешне это выглядело благородно, это было слишком торжественно и преувеличено, что не соответствовало обычаям и человеческим чувствам. А позже, когда ты без колебаний признался при всех, что старшую дочь Фу избаловала твоя матушка и так далее, у меня невольно возникла абсурдная мысль.

Фу Вэньцзе с бесстрастным лицом смотрел на Дань Чао, слушая, как тот с легкой сложностью делает паузу:

— Похоже, ты намеренно позоришь репутацию Поместья Ковки Мечей.

Фу Вэньцзе фыркнул:

— ... Такой наблюдательный, не зря великий наставник.

Он признал это!

Дань Чао тоже был удивлен, нахмурился:

— Ты ненавидишь Поместье Ковки Мечей?

— Ненавижу? — Фу Вэньцзе моментально подхватил, рассмеявшись. — Ты думаешь, мне не следует ненавидеть?!

Он резко обернулся к гробу и, дрожа, произнес:

— Конечно, я ненавижу! Ты знаешь, когда мои ноги выздоровели? В тот день, когда Ваньцзюань умерла при родах!

Дань Чао изумился:

— Разве ты не притворялся...

— Конечно, нет!

Фу Вэньцзе глубоко вздохнул, его голос стал тяжелым и хриплым:

— Я поздний ребенок матери, с детства был обласкан и избалован. Всякий раз, когда отец строго заставлял меня тренироваться в боевых искусствах, мать вставала на мою защиту, не позволяя мне усердствовать, так что я лишь в двенадцать лет приступил к изучению фамильного секретного искусства «Истинная ци Инь и Ян». Тогда я был уже слишком стар, кости и дарование у меня были плохие, из-за поспешности у меня случилось искажение ци, и...

Я думал, что на всю жизнь останусь калекой, уже потерял всякую надежду, хотел лишь

покончить с этой жалкой жизнью. Но потом встретил Ваньцзюань, муж и жена жили в гармонии, как цинь и сэ, и в моей жизни появились радости и ожидания... В день, когда Ваньцзюань ушла, я за пределами родильной палаты чуть не покончил с собой, в эмоциональном потрясении потерял сознание, а очнувшись, обнаружил, что меридианы, закупоренные много лет, вдруг прочистились. Я попробовал ходить, и всего за несколько месяцев полностью восстановил способность двигаться, как обычный человек.

Дань Чао сказал:

— Ты никому не сказал...

— Конечно, нет! — резко произнес Фу Вэньцзе. — Если бы я рассказал, как бы я тогда мог притворяться в Поместье Ковки Мечей? Я именно хотел, чтобы всем было беспокойно, чтобы все помнили, что душа Ваньцзюань не обрела покоя, и однажды она вернется, чтобы отомстить!

— ... — Дань Чао нахмурился. — В таком случае, в тот день, когда случился пожар, голос девушки-призрака, который услышала служанка снаружи, тоже был твоей подделкой?

— Да, — не задумываясь, ответил Фу Вэньцзе. — Знаешь, как я обрадовался на следующий день, когда ты при всех в главном зале разоблачил, что тело было поддельным? Хотя это не влияло на мои дальнейшие планы, и Фу Сянжун в заднем дворе уже была мертва, но сорвать маску с этого грязного места семьи Фу перед лицом тех, кто обычно кичится своей праведностью и благородством, доставило мне невероятное удовольствие!

Дань Чао на мгновение потерял дар речи:

— Фу Сянжун убил ты или Врата Духов и Призраков?

— Этот самый Цзин, — холодно сказал Фу Вэньцзе. — Они хотели заполучить фамильные богатства Поместья Ковки Мечей, секретный метод ковки мечей и последний в мире снежный лотос, но боялись, что я в отчаянии уничтожу цветок, поэтому согласились сотрудничать со мной — для них это был самый безопасный и легкий путь. Поэтому в день пожара в вышивальном павильоне я сумел передать сообщение людям из Врат Духов и Призраков, попросив их помочь мне убить Фу Сянжун в загородной усадьбе у подножия горы...

Но тело младенца в родовой усыпальнице я выкопал собственными руками, и падение с обрыва тоже было преднамеренным, просто я не ожидал, что кто-то действительно прыгнет следом, чтобы спасти меня.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— На самом деле, я не заслуживаю твоего спасения.

В подвале воцарилась мертвая тишина, не было слышно ни звука.

Здесь было уже далеко от поверхности, удушающая тишина, словно прилив, поглощала человека с головой.

— Я спас тебя только потому, что... — Дань Чао вдруг замолчал, затем долго вздохнул и сменил тему. — Вернувшись с обрыва в загородную усадьбу у подножия горы, ты проник через этот подземный ход в задний зал, заложил селитру и серу и собственными руками взорвал старую госпожу и всех слуг?

Фу Вэньцзе вместо ответа спросил:

— И как ты это узнал?

— Плитка пола, — сказал Дань Чао.

Когда молния бьет сверху, она сначала разрушает балки крыши, убивает человека и обычно тут же прекращается, не раскалывая вдребезги лежанку и плитку пола. А порох взрывается снизу, сначала раскалывает плитку пола, разрушает лежанку, затем обрушивает балки и крышу, черепица раскалывается меньше, чем плитка пола. Сравнив два случая, можно увидеть явную разницу.

Фу Вэньцзе кивнул, не говоря ни слова, в его выражении лица сквозило некое одобрение.

Дань Чао сказал:

— У меня только два вопроса, не знаю, согласишься ли ты, молодой хозяин усадьбы, ответить. Первый: хотя из серы, селитры, мыльных орехов и прочего можно изготовить порох, но сила его взрыва ограничена, как же ты сумел разрушить большую часть заднего зала?

Фу Вэньцзе равнодушно ответил:

— В Поместье Ковки Мечей есть секретный метод ковки мечей, весьма искусный в использовании огня, это во-первых. Во-вторых, этот порох дали Врата Духов и Призраков, в прошлом они были... Ладно, великий наставник — монах, эти старые истории о дворе и ремесле знать тебе ни к чему.

Дань Чао не стал спрашивать дальше, лишь кивнул и снова сказал:

— Есть еще один вопрос, прошу молодого хозяина усадьбы не обижаться. Я просто хочу знать: Фу Сянжун — твоя сестра, старая госпожа — твоя родная мать, разве, когда ты делал все это, у тебя не было ни капли... ни капли жалости?

<http://bllate.org/book/15578/1387180>